

«...Это счастье – заниматься прекрасной музыкой со студентами...»

(интервью с профессором Саратовской консерватории
Татьяной Федоровной Малышевой)

На одном из недавних прощальных капустников на кафедре истории музыки многие педагоги, работающие здесь, смогли увидеть себя со стороны: «портреты», которые представили выпускники, удивительно точно копировали любимые черты любимых наставников. Но среди всех выделялся образ «нашей мамы», как тогда любовно назвал ее уходящий курс, – заведующей кафедрой Татьяны Фёдоровны Малышевой. И это было сказано очень точно, потому что чувство родного человека по отношению к ней возникает буквально с первой встречи – на Дне открытых дверей, где Татьяна Фёдоровна сама знакомит будущих абитуриентов с консерваторией и кафедрой и делает это так задушевно, с таким располагающим юмором, что хочется учиться именно здесь. Уже с первых вступительных экзаменов по истории музыки, в атмосфере доброжелательности и чуткости, которая исходит от Татьяны Фёдоровны как руководителя кафедры, все экзаменационные страхи куда-то улечиваются, и ты чувствуешь себя в 53-м классе как дома. Такая теплая и домашнему неформальная обстановка сохраняется здесь на всё время учёбы. Ну, где ещё бывает, чтобы во время лекции педагог вдруг взял да и предложил коченеющим от холода студентам горячего чаю? Только у Татьяны Фёдоровны. Она всегда в курсе проблем каждого, всегда её улыбка обращена ко всем без исключения, а студентов она называет не просто по именам, но обязательно с ласкательным суффиксом – «Светочка», «Ванечка»... А на лекциях профессор Т. Ф. Малышева умеет так интересно рассказать о музыке, что даже самое известное открывается вдруг с новой неожиданной стороны, а неизвестное так захватывает, что без этих новых открытий (например, музыки Брукнера) мир кажется уже неполным.

В январе у заслуженного деятеля искусств РФ, кандидата искусствоведения, профессора Татьяны Фёдоровны Малышевой – день рождения. Хочется пожелать ей здоровья, творческого и педагогического долголетия, любви студентов и коллег. В преддверии своего дня рождения Татьяна Фёдоровна согласилась стать одним из героев нашей газеты и ответить на несколько вопросов.

Расскажите, пожалуйста, где Вы родились и кем были Ваши родители.

Т.Ф.: Родилась я в Каменец-Подольском (это небольшой город в Хмельницкой области на Украине), в очень интересном месте: в доме, где была ставка Петлюры в своё время. Там жили мои родители. Отец у меня был военным, а мама – историком. И поскольку отец служил, мы часто переезжали из гарнизона в гарнизон.

Когда возник Ваш первый интерес к музыке и с чего начались Ваши первые уроки?

Т.Ф.: Интерес к музыке у меня возник, наверное, так же, как и у многих других. Когда мне было пять лет, мои мудрые родители повели меня в театр оперы и балета (тогда мы жили в Казани). Там я посмотрела балеты Чайковского. Это, наверное, самая лучшая детская музыкальная классика, способная зажечь интерес к музыке на всю жизнь.

А вот почему пошла учиться музыке – не помню. Но занималась с большим удовольствием. В музыкальной школе у меня была очень хорошая учительница. Она была уже старенька, звали её Антонина Васильевна. И были хорошие дети. Никто не дрался, как общеобразовательной школе. И поэтому мне там понравилось.

Где Вы ещё учились и кого из педагогов Вы можете особенно выделить.

Т.Ф.: Когда отца перевели в Ставрополь, музыкальные занятия стали более стабильными. Это были уже не кружки, а центральная школа. Там были очень хорошие педагоги. Среди них – Сара Иосифовна Цейтлин, Екатерина Марковна Маркович. Но главное, я попала в сообщество страстных любителей музыки, знавших все оперы наизусть. Теперь это известные саратовские музыканты – Алла Николаевна Черединченко и Татьяна Ивановна Егорова. С ними в одной компании ещё был Саша

Татьяна Федоровна в кругу своих первых учеников

Лукьяненко, вместе с которым Алла и Таня распевали оперы целиком. И все остальные на них как-то очень ориентировались. Среда была вообще очень хорошая. И в кинотеатрах Ставрополя (который тогда был провинциальным городом, красивым и тёплым), уже спустя двадцать пять лет после войны продолжали крутить трофейные фильмы, среди которых были редчайшие кинооперы. Мы видели такие фильмы, которые никто нигде не видел, – «Дон Жуана» Моцарта с Чезаре да Нова, фильм о Моцарте «Дай руку, жизнь моя» и другие. Всё дошло до того, что на протяжении двух лет каждые выходные мы с моими двумя подругами, Олей и Люсей, разучивали «Дон Жуана»: Оля пела за Лепорелло, Люся – за Дона Жуана, а я пела за всех женщин и дону Оттавио в придачу. Это были счастливые воскресенья. А с Т.И. Егоровой мы разучивали «Похвалу воности» из квартета Мессиана «На конец времени» в четырёхчужном переложении и очень мучились с шестнадцатыми.

В училище я училась на фортепианном отделении у Натальи Дмитриевны Маркович (дочери Екатерины Марковны), которая только приехала в Ставрополь после окончания Одесской консерватории. Благодаря ей, я стала читать Швейцера, эстетические трактаты.

Все мои учителя до сих пор живы. Наталья Дмитриевна приезжала года два назад, жила у меня. И с другими педагогами мы до сих пор дружим, общаемся.

Хотя я училась на фортепиано, тем не менее, уже в училище, меня выделяли по теоретическим дисциплинам. Наверно, потому что у меня был абсолютный слух. Государственный экзамен у нас принимал Н.А. Гольденберг, так как Ставропольское училище тогда было под патронажем Саратовской консерватории. Но в год окончания я поступать не смогла, так как перед самым выпускным заболела и на выпускной вечер пошла с высоченной температурой. В результате заработала воспаление лёгких и всё лето провела в больнице, поэтому поступать уже было невозможно. Тогда я считала, что этот год – пропущенный год жизни, а сейчас понимаю, что это было обретенное время, потому что я могла читать книги, а не только готовиться к урокам (после окончания меня оставили работать в училище и дали вести музыкальную литературу у теоретиков, – это при том, что я окончила училище как пианистка; ещё я вела общее фортепиано и концертмейстерский класс).

В это время в Ставрополь приехал Валерий Пьянков, с которым я занималась по гармонии. Сейчас он московский композитор. Его опера «Алые паруса» поставлена во многих театрах. Именно он направил меня к Владимиру Михайловичу Центровскому в Нижний Новгород, и тот посоветовал мне поступать только в Нижегородскую консерваторию на теоретическое отделение. И вот так я оказалась в Нижнем Новгороде.

Это была очень прогрессивная консерватория, несмотря на то застойное время. Там работала (и сейчас работает) заведующая кафедрой истории музыки Тамара Николаевна Левая, удивительно красивая, изящная женщина. Я была её ученицей по специальности. Она читала необыкновенные лекции, очень трепетные. Например, мощным пластом, вместо советской массовой песни, шла бардовская песня. В Нижнем тогда и сейчас поддерживались очень тесные связи с яркими музыковедами. В числе рецензентов моих первых научных работ были Даниил Владимирович Житомирский и

Анатолий Моисеевич Цукер. Обстановка была очень творческая, яркая.

Почему Вы приехали в Саратов? Расскажите о первых годах работы в Саратовской консерватории.

Т.Ф.: Дело в том, что с Саратовом связи были всегда. Во-первых, здесь учились А. Чередниченко и Т. Егорова. Кроме того, работая концертмейстером в Ставропольском музыкальном училище, я аккомпанировала А. В. Тарасовой и многим духовикам, которые потом все оказались в Саратове. Они всё время поддерживали со мной связь, писали мне, мы встречались летом. И они настойчиво сменяли меня в Саратове. В результате я оказалась в Саратовской консерватории, когда её ректором был Борис Андреевич Сосновцев. Я считаю, что это была правильная установка - приглашать музыкантов из других городов страны. Он пригласил М.Н. Симанского из Нижнего Новгорода, О.А. Моралёва из Свердловска.

Первое ощущение от консерватории у меня было шоковое. Потому что первой, кого я увидела, была заведующая кафедрой истории музыки (правда, очень скоро она уже перестала быть заведующей), которая поймала меня в фойе большого зала и сказала: «Вы смотрите – Вам здесь не позволяют делать то, что себе позволяет Лидия Львовна Христиансен, несмотря на всю мою критику. Чтобы на современной музыке вы проходили только советскую музыку! И никаких зарубежных композиторов...». В общем, я всё это слушаю и думаю: «Куда я попала?!...». Но всё это время по фойе мимо меня ходила какая-то молодая женщина, подгибая и улыбаясь. Потом выяснилось, что это новая заведующая кафедрой истории музыки Е.Д. Ершова. Она как-то сразу стала таким своим человеком, правильно направляла меня в работе. В первый год у меня была большая нагрузка, и я, конечно, ночами не спала, готовилась к лекциям, пока Елена Дмитриевна не сказала мне совершенно верно, что к лекции по Вагнеру всего не прочтёшь. Поэтому студентам надо просто, очень чётко, организованно объяснить, какого числа и за что они читаются, по какому материалу, с какой по какую страницу, и какую музыку они должны знать. Им будет полезнее, если они сами будут всё это читать. Благодаря такому методическому подходу, я вышла из этой трудной ситуации.

Ещё на кафедре в то время работали такие педагоги, которые сейчас уже не работают. Например, Марианна Фёдоровна Гейлиг – самый авторитетный историк музыки; Евгения Петровна Штейнберг, Наталья Флорентьевна Таубе. Стиль преподавания у них был другой. В Нижнем Новгороде у музыковедов научный процесс шёл на проблемном уровне. А в Саратове был принят последовательный разбор произведений. Я отдавала должное авторитету этих людей. Марианна Фёдоровна – замечательный музыкант. Я помню, мне прислали из Казани партитуру симфонии Брукнера, которой никогда до этого не было в Саратове. И когда в тракте какого-то концерта я развернула посмотреть эти ноты на середине партитуры, Марианна Фёдоровна подходит ко мне сзади, смотрит и говорит: «Это Брукнер?». Она была чрезвычайно осведомленным музыкантом.

Расскажите о Ваших музыкальных пристрастиях: кто Ваш любимый композитор, какие музыкальные жанры и стили Вы предпочитаете.

Т.Ф.: Это, конечно, трудный вопрос, потому что когда звучит гениальная музыка, когда она трогает, то трудно выделить что-то конкретно. Есть, конечно, явления, которые для меня очень дороги. Это вступление хора мальчиков в финале «Симфонии псалмов» Стравинского, первая часть «Неоконченной» симфонии Шуберта, медленная часть Седьмой симфонии и первая часть Восьмой симфонии Брукнера. Можно долго перечислять.

Татьяна Фёдоровна, поделитесь своим профессиональным опытом. Каким образом начинающий педагог может заинтересовать музыкой ребёнка?

Т.Ф.: Я работала с детьми, и мне кажется, что лучше всего начать с их включения в музыку. Можно на уроке им дать детский ксилофон и показать на нём тему лебедей из «Лебединого озера». Вместо ксилофона можно использовать барабан или дудочку. Давать что-то абстрактно детям всё-таки нельзя, и говорить что-нибудь в воздух – это бессмысленно. И, конечно, главное – находить с ними живой контакт. И если он найден, то глазки у детей горят, и всё получается.

На основе чего Вы выбираете темы курсовых работ для своих студентов?

Т.Ф.: Методика у меня такая: сначала я прошу студентов, чтобы они написали хотя бы десять тем, чем хотели бы заниматься. Но, во-первых, десять тем мне никто не приносит. А во-вторых, на основании разговора

со студентами как-то вытягиваешь, что им близко. Сколько было случаев, когда им что-нибудь навязываешь, а они в результате всё равно выбирали ту тему, которая близка им. Вот оно само собой и получается. Другое дело, что в музыковедение уже много сделано, а студенты, порой, хотят заниматься тем, в чём уже трудно найти новые аспекты. И новое сейчас ищут, скорее, не в материале, а именно в подходах с точки зрения аппарата других наук. Хотя это неоспорно. Когда я пришла на кафедру Саратовской консерватории, подход от музыки был довлеющим. Сейчас превалирует подход от концепции к музыке. Здесь, конечно, открывается много возможностей в обучении студентов, но контакт с музыкой ослабевает.

Скажите, Какую литературу Вы предпочитаете? Кто Ваш любимый писатель (поэт)?

Т.Ф.: Я очень люблю Томаса Манна. Также люблю читать научную литературу, справочники, словари, энциклопедии, научные сборники. Детективы не читаю – скучно. Всё-таки предпочитаю Т.Манна, в частности, роман «Иосиф и его братья»; первый том «Волшебной горы», второй том мне просто страшно читать (в первом речь идёт о болезни, это ещё можно пережить, а во втором – о безволии, это сложнее).

Какие концерты – современной или классической музыки – Вы посещаете охотнее?

Т.Ф.: Слово «современный» как-то не совсем понятно.

Концерты из музыки композиторов XX века: Шенберга, Веберна, Свиридова, Шнитке, Щедрина...

Т.Ф.: Щедрина посещаю. Выбор концерта, конечно, зависит от многого. Прежде всего, кто исполняет. Сейчас очень многое сводится к аудио- и видеозаписям, в чём тоже есть свои плюсы и минусы. Всё же ведущим для меня является живое исполнение.

Татьяна Фёдоровна, если позволите, можно поговорить о Вас вне профессии. У Вас есть непрофессиональные увлечения?

Т.Ф.: Я очень люблю природу. Как минимум раз в неделю обязательно бываю в лесу. Я люблю лес, потому что моя мама очень любила собирать грибы, и мы всё время ходили в лес. Я помню, как, учась в аспирантуре в Москве, я четыре месяца никуда не выезжала и уставала от постоянного асфальта. Лес – это, наверно, самое большое увлечение.

Да и какие у нас могут быть особенные хобби, когда столько работы! Ведь работа педагога бесконечна. Люди, которые работают на производстве, после рабочего дня свободны. А у нас такого не бывает, потому что нужно читать какие-нибудь диссертации, которые надо оппонировать, рецензировать; дипломные работы, которые надо проверять; лекции, к которым надо готовиться. Это бесконечный процесс. У нас даже летом консерватория полна педагогов. Хор у Лицовой, по-моему, поёт всегда. В любое время – воскресенье, невоскресенье, праздники, не праздники – они репетируют. Мы завязаны на своей специальности.

Есть ли у Вас нереализованные творческие планы, замыслы?

Т.Ф.: Не знаю, творческие они или нет. Но нереализованного много, потому что передо мной всё время стоит ситуация выбора. Я вообще всегда мечтала быть библиотекарем, работать с каталогом. Люблю всё систематизировать, раскладывать. До себя и творческих замыслов дело не доходит, потому что мы круто завязаны на учебном процессе. При таком количестве занятий совмещать, наверно, невозможно – это сложно. Вообще, это счастье – заниматься музыкой с молодыми девушками и юношами, которыхводишь в мир музыки. Есть люди, которые работают только с бумажками или с железками. А здесь всё время с людьми, да ещё и какими людьми! У студентов только одно плохое качество: после окончания консерватории они уходят. Им кажется, что когда они будут приходить, приезжать, общаться. А потом их тоже закручивает жизнь. Но приходят новые студенты, идёт процесс постоянного обновления, и это хорошо! Контакт с молодёжью постоянно поддерживается, и резкой пропасти между поколениями я не ощущаю. Это, наверно, главное.

Интервью взяла Ольга Подшивалова